КОРЧМОВІИ ГЕРОИ

ИЛИ

ОТЕЦЪ И ЕГО СЫНЪ.

СОЧИНИЛЪ:
ФРАНЦЪ ГЕГЕДЕВШЪ.

ПРЯШЕВЪ,
Книгопечатня Маврикія Канга
1910.

Если посмотрѣмъ на великой улицѣ тотъ на бѣло красно выбѣленный домъ, который выразный есть между вшиткими, а кедь еще отворимъ на зелено малюванны малы дверци, а осмотрѣмъ дворъ и фундушъ, не тяшко выгадати, же у тѣмъ домѣ першій и наймаетнѣйшій газда бываетъ.

Правда што правда: Францъ Дару задоволенъ есть съ своимъ ставомъ. Якъ простому газдови Богъ на вельо поднялъ дѣло его. У селѣ такъ бесѣдуютъ о немъ, же больше имѣетъ пѣнязи, якъ разума. Бо воистинну панъ Дару хоть на якое правне письмо, мѣсто своего имена, лемъ крижикъ знаетъ потягнути. Онъ такъ думаетъ о себѣ: мой отецъ незналъ писати, всетаки сто утра земли охабилъ мнѣ.

Але Францъ Дару на своего едного сына, на того „першого паробка“ тяшко охабитъ сто утра земли; хотяй каждый за наймаетнѣйшаго тримаетъ его. Ибо не вшытко золото, что блищится. Если бы осмотрили 'сме грундбугъ, та бы видѣлисме же вера не барзъ чистый есть.

Велика есть тому причина! Францъ Дару отъ едного часу забылъ робити, отъ рана до вечера у корчмѣ сидитъ. Правда же такъ маетокъ не векшается, але съ дня на день меншается. Челядници самѣ на себе

суть охабенны. Терча жена и прото бы то зробяла, жебы коли обои запрутъ очи, тѣмъ больше имѣлъ ей единачокъ: але она около дому занята есть. Такъ челядници и роботници лемъ такъ крадутъ дни, роботы ихъ мало что видно. Окрадаютъ, всяды кламутъ, ибо нѣтъ кто бы на нихъ позоръ давалъ. Всетаки могъ бы дакто, ибо хотяй газда у корчмѣ сидѣтъ, то бы еще не была така великая бѣда, былъ бы при домѣ дакто и другій, котрый бы на челядъ позоръ далъ. Тамъ есть Иванко, тотъ добрый, красный паробокъ, тотъ могъ бы вшытко на мѣсто принести, что отецъ замешкатъ. Гей, але и онъ такій якъ и отецъ его, не любитъ польову роботу, шкодитъ ему лѣтушняго дня теплота. И онъ самъ повѣдать, же не за спростака родился; зато мѣсто того, чтобы дашто помогъ, и онъ часто нащивляетъ корчму, пасуется, веселится, а очень рѣтко зазритъ къ конямъ. Але на тѣмъ не чудуймеся, если чуемъ, что говоритъ Иванчови его властна мати.

— Гей! очень легка есть задача, если и дѣтина имѣетъ къ ней охоту (дяку.)

Прави теперь около гнойной ямѣ гледаетъ чтось паробокъ, голова его еще отъ ночной піятики завертается. Терча жена выйдетъ изъ кухнѣ увѣдитъ сына и говоритъ ему:

— Сыну чомъ не охабишъ то? Не зато платимъ челядъ, жебы ты за нихъ робилъ. Но лемъ то бы мнѣ требало! Ты першій паробокъ у селѣ, я то хочу, жебы есь мнѣ всегда такій былъ, якъ изъ шкатулкѣ. Най тя посмотрѣтъ такъ молодый якъ и старый.

Иванкови тота бесѣда попачилася.

— Правду маете моя мила мамо; най робятъ челядници. Съ тѣмъ охабилъ роботу и лѣгъ спати.

— Даражова жена отъ сусѣды пришла дашто пожичити.

За Дарувыма, они найлѣпшы газдове. Въ ихъ грундбугу ани на еденъ волосъ не было ничъ затабуловано; а къ тому лемъ одную дѣвочку имѣютъ: Ганчу, которая найкраша и найлѣпша дѣвочка у селѣ. Зато Дарувова жена своему сыновѣ ю отъ давна высмотрила, але Ганча на Иванка ани смотрѣти, ни до бесѣды съ нимъ стати не хотѣла. Цѣлый свѣтъ бы ю зато огварилъ; Ганча ани не можетъ полюбити такого корчмового планика.

Якъ бесѣдуетъ и теперь Терча жена Дарувовой, лемъ жебы на Иванковъ млинъ нагнала воду. Хвалитъ, славитъ; але могла бы знати, же доброе вино само хвалится. Но Терча жена такой натуры, зато ей то никто за плане не узнатъ.

— Знаете моя люба сусѣдо — такъ повѣдаетъ дале Дарувова — чужій языкъ на каждымъ заставится; зато лемъ най бесѣдуютъ, мой сынъ зато всегда первый паробокъ зостанетъ у селѣ. Лемъ най разъ бесѣдуетъ зъ Ганчовъ, доразъ завернетъ ей голову. Кедь бы чулисте коли зъ дѣвчатомъ бесѣдуетъ, кажде слово его солотке якъ мядъ. Ибо была бы и друга, але Богъ знаетъ, ани една такъ мнѣ не пачится, якъ Ганча. Тамъ есть Кардошова Вьера, мало что не загыне за Иванкомъ, але Иванко ю не хочетъ! Ани не чудуюся на тѣмъ, ибо и мнѣ ани кусъ не пачится; Боже отпусть

грѣхи мои, прави така есть, якъ плано вызимованное теля. А къ тому зъ вшыткой бесѣды ани половица не правда, же Иванко такій, альбо такій піякъ. Нѣтъ вера, ибо лемъ вше не можетъ у кутѣ сидѣти! Вѣруйте мнѣ моя сусѣдо, же такій будетъ зъ него добрый мужъ якъ барзъ рѣтко. Познаю своего сына добру, благу натуру.

Но колько бы знала еще бесѣдовати, если бы сусѣда не мала вецей разума. Лемъ такъ сыпутся слова зъ устахъ ей, якъ на гротѣ пшеница. Але Даражова барзъ добрѣ знаетъ, же если слухатъ, а ничъ не говоритъ, скорей освободится отъ ней, зато и теперь не отповѣдатъ ани добре, ани зле, лемъ въ себѣ думаетъ, якъ бы требало отповѣсти на тую долгую бесѣду.

Сусѣда але зъ своимъ мужомъ такъ думаетъ, же и зъ усиловностьомъ, и зъ великою роботою у днешньомъ свѣтѣ очень тяшко можетъ человѣкъ дашто приобрѣсти: а кедь еще газда не хочетъ робити, але мѣсто роботы въ корчму ходитъ . . .

Велика кара есть лѣнивство!

Гей, не про такого паробка зноилися они и зберали свой загляданный маетокъ. Всетаки не хотятъ они Иванковой матерѣ просто отповѣсти, же не даютъ свою дѣвочку за Иванка; раднѣе то кажутъ, же дѣвочка есть еще молода, слаба есть еще подъ чепецъ.

Францъ Дару, домашній газда еще вчера вечеръ ишолъ зъ своимъ сыномъ въ корчму. Иванко такъ надъ раномъ пришолъ дому, але отецъ лемъ теперь отвирятъ мали дверка, якъ солнце уже добрѣ высоко двиглося!

Але чомъ бы такъ не робилъ, если можетъ, если выставатъ.

Съ бока на бокъ крачавше прійдетъ въ хижу, поздравкатъ женѣ, котра але кричитъ на него, ибо что вельо, та уже и ей вельо.

— Дай Боже добре рано, мой любый голубку!

Такъ живутъ Дарувовы уже отъ пару лѣтъ.

— — — — — — — — — — — — —

Въ недѣлю по полудню есть. Молодежъ идетъ до валалской корчмы, ибо тамъ старый Мижо прекрасно граетъ! При доброй, при веселой дякѣ веселятся паробци и дѣвчата.

Най веселятся! Молоды суть, принадлежитъ имъ; лемъ най уцтиво веселятся, жебы имъ на честь было. Еще и самъ отецъ духовный осмотрѣтъ ихъ, и побуждаетъ едного-другого, же прочто не танцуетъ. Радуется же доброй дякѣ суть, а чомъ бы не радовался! Краснѣ веселятся, честно справуются.

Правѣ хочетъ ихъ охабити циганъ, коли приде между нихъ одинъ силный паробокъ, въ сторанцовнымъ патьелату, на бокъ удареннымъ калапомъ, пишно кричавше. 'Зъ спростымъ голосомъ кричитъ на цигана:

„Мижу грай, най мнѣ сердце пукне!“

Потому же на Мижовы гуслѣ прилѣпитъ едну банковку, который на зново зачне грати. Такъ красно, такъ жалостно граетъ тотъ старый циганъ, же и 'зъ каменого сердца выкрутилъ бы болезныя слезы. Иванкова душа цалкомъ увядне.

Терча жена — такожде тамъ есть, — жебы видѣла колько очи смотрятъ на ей сына и нагварятъ Иванка:

— Весельсѧ сыну!

Иванко потомъ едно, друге, тай и третье дѣвча проситъ на танецъ, але ани една не хочетъ ити съ нимъ таицовати. Мудры то дѣвчата, даютъ на себе, они лемъ 'зъ утцтивымъ паробкомъ пойдутъ танцовати, Иванка же за такого не тримаютъ.

Терча жена мало что не пукне отъ гнѣву! Такъ заганьбилася, же не дбала бы если на мѣсцѣ запалася.

Якъ бы нѣтъ?

Еще ани тота джадивка Уля Фегерова не хотѣла съ ей сыномъ танцовати.

Иванка такожде на только обсягне гнѣвъ, что ажъ жолчъ у нимъ розлялася! Повѣстъ паробкомъ, жебы ани еденъ не оповажился танцовити, доколи онъ розказуетъ! Потомъ даватъ грати 'зъ цыганомъ, а ку тому и спѣваетъ, на передъ смутну, а такъ веселу.

Паробци але Иванка горѣ не берутъ! Уже дось Мижо награлся, дакусь забавятся бо такій у нихъ обычай. Потому на ново зачинаютъ имъ талпы свербѣти.

Имро Багарди идетъ ку цыгановѣ, чардашъ розказуетъ. Іванко але недозволитъ, онъ хочетъ, жебы цыганъ смутну гралъ, и съ грозомъ повѣдатъ, най ему каждый покой даетъ, коли онъ веселится. Мижо але прецай лемъ на векшу страну слухатъ, а чардашъ зачнетъ.

Іванко уже пясть стискаетъ, але увидѣтъ отца духовного, не берется до битки, але 'зъ гнѣвнымъ позоромъ, правѣ коло нього танцующему Богарди Имровѣ до уха пошептатъ:

— Варуйся мнѣ 'зъ драги не приди мнѣ до рукъ.

За тѣмъ выйде изъ корчмы, але не иде дому. Знука зъ корчмы, старого Дарува голосъ чути; и сынъ отворитъ до шенку, сяде собѣ, вина проситъ, на еденъ отдыхъ выпіе, знову проситъ, а знову выпіе. Цалкомъ утратитъ фарбу! Потому грозно ударитъ на столъ, же ашъ пращалъ, и кричитъ ку отцу:

— Отче мой, кровь буду днесь пити!

Отецъ духовный правѣ подъ отвореннымъ облакомъ ишолъ, смѣшно подумающе въ себѣ: Вселе молоко піешь.

Иванковы очи але страхъ и велѣке несчастя означали, коли скричалъ.

— Кто тя оповажилъ рушити? — звѣдатся Дару Ферко зъ велѣкимъ гнѣвомъ отъ Иванка.

— Будете знати, мой любый отче — говоритъ Иванко, — а на зново вина проситъ; по бетьарски кричитъ: сто галвы вина, сто свѣчки запаль.

Терча жена черезъ отворенный облакъ утѣшается въ своимъ сыновѣ, и повѣдаетъ: вера мой сынъ по правдѣ смилый есть, а ку тому и бетьарь, — не имиетъ пару на той околицѣ!

Якій красный, якій простый, якъ пишно угинатся, якъ кедръ!

Циганъ знову пересталъ. Паробци жебы смядъ угасили, пришли до шенку вино альбо пиво пити. И Имро Богарди пришолъ и погаръ вина просилъ.

Иванко разъ скричалъ, а едну съ виномъ полну фляшку, правѣ по надъ голову Имрови, до мура ударилъ.

Имро доразъ поразумѣлъ, же тота фляшка на нього была сготованна, але ничъ не го-

ворилъ. Выпилъ свое вино, сталъ, и хотѣлъ отити; Иванко але его за гальіеръ улапилъ и назатъ порвалъ.

— Говорѣлъ емъ тебѣ, жебы есь мнѣ до рукъ не пришолъ!

— Что хочешъ, что емъ сдѣлалъ планого? — звѣдатся Имро отъ Иванка.

Иванко ему ничъ не отповѣлъ, але ножъ, который въ руцѣ трималъ, ашъ по ручку до головы его штурилъ, напто Имро отразу на землю упалъ.

Паробци приходятъ, Иванко тамъ на персахъ Имрови клячитъ, а и старый Дару тѣшъ закололъ въ него.

Сталася великій шумъ. Паробци на Иванка напали, и чути было, якъ Терча жена черезъ облакъ кричала:

— Бій сыну, бій!

Отецъ и мати розярили ему кровъ, а Иванко съ отцовскою помочію билъ кого улапилъ, — а потому вина просилъ а пилъ, и знову пилъ.

Паробци подняли Имра, и съ страхомъ и трепетомъ видѣли, же уже померъ.

Паробци, дѣвчата, люде на голосъ кричали:

— Человѣкоубійца, безбожный человѣкоубійца, жебы его грозный Богъ покаралъ.

Требало бы его съ отцемъ до ведна укаменовати. Такія и вшелѣякія слова было чути.

Тѣло Имрого паробци дому отнесли, а корчмаръ жандаромъ далъ знати.

Иванко зато лемъ дале давалъ вина доношати, а уже ледва могъ на ногахъ стояти — але душа его неспокойна сталася! Въ великомъ горкостьомъ скричалъ:

— Гей, чудесный свѣте, коли достигну тебѣ конецъ?

— До бѣды есте упали! Начто есте его такъ били! То говорѣла Терча жена со слезныма очами, при сыновѣ сидяще.

— Не кричъ — напалъ на ню Дару со виновнымъ голосомъ.

— Якъ бы емь не кричала, коли мой предрагій сынъ, свѣтлость моего ока . . . . ахъ йой, йой, начто лемъ емь тя выховала, чого дочекался! Подь дому, а лягни собѣ.

— Пойде до пекла, але не до дому — отповѣдатъ Дару. Веселитися будемъ до того часа, докля насъ до берятинца не возмутъ.

Янчо засмотрился на отца, на долго зачудовался надъ нимъ, ничъ бесѣдующе, а потому отъ піянства зараженный, съ смутнымъ голосомъ звѣдатся:

— Та до берятинца пойдемъ?

— Вера такъ сыну! — отповѣдатъ Дару. Але не смутся, и другіи суть тамъ, не самы тамъ будемъ.

Терча жена лемъ теперь починаетъ правдиво нарѣкати. Руки ламала, а очень плакала! И сторазъ повѣдала:

Ахъ, сыну милый сыну, помру за тобомъ.

Янчо уже не пилъ вецей! Горке сталося ему вино. Задумался, а все лѣпше зачалъ тресбитися. Тяшко вздыхнулѣ, а потому дваразъ и тиразъ звѣдался:

— Отче любій, але ачей лемъ насъ не обѣсатъ?

Ой нѣтъ! Прави про едного такого наничъ суцого паробка!

Пій, не старайся!

Не хочу! Такъ чуднѣ чуюся: зосъ вонка мнѣ зимно, зосъ нука але горячо.

Терча жена пообѣмала, погласкала зноене чело его; отъ великаго рыданія ледво могла выповѣсти:

— Хворый есь агей-же?

Іванко покивалъ зъ головомъ. Але съ тѣмъ еднымъ покываньомъ голобы, велике жалованіе указалъ! . . .

Смутно, трезбеннымъ разумомъ повѣдатъ:

Не хворый я! Инша то бѣда!... Такъ мнѣ біетъ сердце, таке зимне, же мало что не загыне. А душа моя така неспокойна.

— Прецай хворый есь! Приди дому! Въ мягкой постелѣ съ теплою периною тя закрыю, жебы есь оздоровѣлъ. Не дозволю, жебы тя взяли, хотяй и кельо то будетъ стояти. Умерла бы емъ за тобомъ, сердце бы мнѣ пукло.

— Ани недопусте, люба мамко, бо можно же и обѣсили бы мня.

— Але не буди такій боязливый!

Такъ потѣшалъ Дару своего сына, бо онъ ани до горы не взялъ то, что сталося.

Іванко але знова обернулся къ своей матерѣ, якъ бы ей повѣсти хотѣлъ: ты есь мня за такого планого выховала, якій есмъ, теперь дай мнѣ пораду. Улапилъ ю за руку, а такъ просился отъ ней по тихи, же бы дакто не учулъ.

— Моя люба мамко! Не лѣпше бы то про мене было, если бы я утѣкъ предъ судомъ, скрилъ бы емъ ся въ широкимъ свѣтѣ?

— Сыне мой, законнова рука бы тя и такъ улапила, и тогда бы тя обѣсили.

Правду имиете! А такъ бы емъ нигда не имилъ покоя, — бетяръ бы емъ былъ, а на конецъ самъ бы емъ ся обѣсилъ. Очень смутно оперся на столъ, очи съ слезами ему залялися, можно правѣ первыйразъ ве его животѣ.

А потому зново наремно перемѣнился. Зъ пястомъ ударилъ на столъ, сталъ, а потому зъ великого зармутку сміялся, якъ бы цилаго свѣта жалобу на сердцѣ имилъ.

Ей, что буду смутитися, най смутится конь, имиетъ велику голову. Вино буду пити, веселитися буду, доколѣ живу; а потому недбаю най мня загребутъ на цинтиру.

Знову отдался зармутку. Тотъ червачокъ, который его знука такъ грызъ, въкаждой минутѣ роснулъ. Суминя грызло душу его. Гей, дуже треба ему претерпѣти до отпущиня годины. Знову зачалъ пити, але уже горке было ему вино; отшмарилъ фляшку, а уже потому ани на отцовске нуканя не пилъ вецей.

Хотяй кельо пію, не можу собѣ голову завернути. Все мнѣ тягше на душѣ, а горитъ мнѣ цѣлая моя внутренность! Ахъ, если бы емъ могъ загасити тотъ пекущій пламень! Іванко глубоко воздыхнулъ. Гей зармученный тотъ животъ! Нѣтъ поратунку, нѣтъ освобожденія. Что же зъ мня сталося . . . ! Еденъ на ничь валушный планикъ, который занимается съ своимъ горкимъ состояніемъ, а каждый съ потупою отвертается отъ него. Гей, яке то добре дѣло, суменѣтному человѣку быти.

Отворилися двери корчмы, а два жандаре вступили.

Кого гледаютъ панове? — просится Дару отъ жандарохъ.

Еденъ жандаръ въ именѣ закона даватъ имъ на знамость, же Францъ Дару и сынъ его Іванко, въ именѣ закона суть арестированны.

Іванко ничъ не отповѣлъ, але очи ему на зново съ слезами залялися. Безъ жаднаго слова далъ собѣ ланцки на рукѣ зложити.

Терча жена але якъ то видѣла, зачала при столѣ замлѣвати.

— Не плачъ жено; еще не берутъ насъ овѣсити! — Такъ потѣшалъ Дару жену свою.

А потому рушилися зъ корчмы, а ланцки лемъ такъ черкали! Два жандаре провадили перваго паробка, и отца его въ темницу.

На Іванка ажъ теперь напалъ правдивый зармутокъ, а коли учулъ плачущей своей матерѣ голосъ, такъ зачалъ спѣвати:

„Моя мати есь мнѣ была,
На добре есь мня не обучала,
Слабому стромовѣ слабый конарь,
Чомъ есь не погынала“.

Терча жена зосъ той ноты поразумѣла то, что поразумѣти могла; поразумѣла, же она причина вшыткому тому, что сталося! И якъ бы не мала была поразумѣти, коли въ той нотѣ, и самъ сынъ ю осудитъ! На только звалилася сія кара, на материнске ей сердце, же ани не знала, якъ до дому пришла.

— — — — — — — — — —

Четыри роки минули уже по тотымъ упадку. У тѣмъ краснымъ шкаруповымъ домѣ теперь Гриць Касабъ живетъ. На публичной лицитаціи, Гриць Касабъ цѣлый маетокъ Дару Ферка купилъ, ибо велью было довста на тѣмъ маетку. Якъ судъ терги а довства выплатилъ, ледво зостало тельо, же бы едну

маленьку хижочку могли были купити, про тоту безумну жену. Дару Ферко уже два роки якъ умеръ въ темницѣ; Іванко але еще осемъ имѣетъ сидѣти. Ахъ Боже мой, вельо то роки!

На дорозѣ краинской, котора зъ села до мѣста ведетъ, идетъ одна въ ряндахъ облеченна, згорбена, стара жена. Понагляется, даколи и бижитъ; отъ терпиня бѣлы ей волосы, виторъ ихъ роздуватъ.

Ледво можемъ ю познати, же то Терча жена; але вера она есть; и теперь понагляется до мѣста ку сыну, бо уже такъ отъ давна чекаетъ его, а прецай не пустятъ его до дому. Бѣдна жена, якъ устарилася подъ тыма четыре роками! Отъ того несчастя цилая тварь и чело ей на только сморчилося, что больше ани бы ся не смѣстили. Никого не хочетъ познати, зъ людми ани до бесѣды не станетъ, утѣкаетъ отъ нихъ, они и такъ бы не знали поняти болѣзнь сердца ей. Лемъ отъ дѣтяткохъ звѣдается даколи, ци не видѣли ей сына до дому ити? Дѣти высміютъ ю, и зачнутъ на ню, у селѣ сочиненну ноту спѣвати:

Высоко тримай сыну мой голову!
Люба моя мати, вера я не могу.
Высоко ю носъ, мой сыну!
Про желѣзо, але не могу.

Несчастлива жена лемъ безумно сміется, а далей слухаетъ спѣвающіи дѣти. А тоты зачнутъ на другу ноту:

„Стара жено, гдѣ тѣ сынъ твой пребываетъ?
У едной корчмѣ чудно спѣваетъ!
Самъ граетъ, самъ и танцуетъ,
На рукахъ, на ногахъ ланцки ему черкаютъ“.

И на тѣмъ лемъ смиется. Она людское высмѣваня уже не знаетъ поразумѣти. Она живо-мертва есть, ей душевна радость уже на вѣкѣ пропала.

Идетъ, бижитъ, якъ бы ю гонили, ани молодый бы ю не достигъ. Мѣсто уже не есть далеко, назадъ-назадъ обертается, ци не заблудила, а посему у себѣ повѣдатъ: тади ихъ вели, тади; тамъ суть у дворѣ того высокого дома.

Знаю же мня очень тяженко чекаетъ! Але потому краснѣ попрошу панохъ, же бы его дому пустили, ибо уже зышолъ часъ.

У мѣстѣ гучатъ звоны! Коли але звоны учуетъ, зачне ей голова завертатися. Станетъ, а долго слухаетъ тотъ смутный голосъ звоновъ . . . Дакто умеръ, зато такъ смутно гучатъ.

Зъ одною планою густкою завяжетъ (обвѣетъ) себѣ голову и прійдетъ до мѣста. Идетъ просто того смутного, темного дома, гдѣ живыхъ до трупы кладутъ, гдѣ и ей сынъ, Іванко есть. Никто ей драгу не бранитъ, уже ю добрѣ познаютъ. Поглядатъ надзѣрателя темницы а плачущи звидатся отъ него, коли уже ей сынъ высвободится? . . .

Надзѣратель шановлѣво позираетъ на ню, и отповѣдатъ ей, же уже днесь высвободится, и кажетъ ей, же бы ишла до тамтого дому, на другу сторону улицѣ, тамъ его найдетъ.

Терча жена идетъ . . . идетъ до тамтого другого дому, на которомъ то есть написано: „Шпиталь“. Войдетъ до двора и звѣдается, гдѣ есть ей сынъ. Въ шпиталю малого звоночока голосъ чути . . . . Тотъ

звоночокъ на сконанья. Терчу жену воведутъ въ одную хыжу, а тамъ правѣ, на постелѣ, еднаго молодого паробка сердце остатнѣразъ клопкатъ.

Іванко Дару, першій паробокъ, отдалъ свою душу, якъ уже за свои грѣхи выпокутовался. Такъ повѣдаютъ, же у остатнѣхъ годинахъ вельо плакалъ и молился.

Терчу жену ближей приведутъ, и укажутъ ей, же тамъ есть ей сынъ, — съ головомъ покыватъ, же она то не вѣритъ, а смиется. Потому знову идетъ до дому, а знову обчекуетъ сына. Такъ идутъ ей дни и роки . . . .

— — — — — — — — — — — — — —

Сія была смутная исторія Дарувовой фамиліи. У селѣ и теперь ю якъ прикладъ споминаютъ, а многи обучилися. Тому великому несчастью една токмо причина была, же родиче Іванка плано ховали, плано обучали. За грѣхи терпилъ и сынъ, терпили але и родиче. Дѣти добрѣ выховати, вера не есть легкое дѣло, — погинати ихъ треба якъ еще маленьки суть.

Зато, одинъ Отецъ Духовный, очень прекрасно напоминалъ родичохъ, коли сіи слова написалъ:

„Мамко, мамко, купъ мнѣ книжку, папирь, пирко, тинту и таблицу; бо я пойду до школы, учитися поволѣ; якъ Богу служити, другихъ уцтити, честно жити, а милой своей краинѣ вѣрнымъ, подданнымъ быти“.

Зато добрѣ треба землю выробити, если хочемъ, жебы жниво добре было.